

C-20

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱ
ԱՐՎԵՍՏԻ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ
АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСКУССТВ
ACADEMY OF SCIENCES OF ARMENIAN SSR
INSTITUTE OF ARTS

СССР
ЕРЕВАН

ГАГИК САРКИСЯН

К ПРЕДЫСТОРИИ АРМЯНСКОЙ
ПИСЬМЕННОСТИ

ՀԱՅ ԱՐՎԵՍՏԻՆ ԵՎԻՐՎԱՄ ՄԻՋԱԶԳԱՅԻՆ II ՍԻՄՊՈԶԻՈՒՄ
II МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ ПО АРМЯНСКОМУ ИСКУССТВУ
II INTERNATIONAL SYMPOSIUM ON ARMENIAN ART

ԵՐԵՎԱՆ • ЕРЕВАН • YEREVAN • 1978

I. Трехтысячелетний досоветский период истории армянского народа как бы разделен пополам культурным "взрывом" У в. Первая половина - это время образования народа и государственности, политического взлета на международной арене, а в области культуры - постепенного накопления ценностей, порожденных внутренним развитием или внешними импульсами. Вторая половина - это время политического упадка и, наоборот, могучего подъема культуры, распространения ее цивилизующего влияния за пределы страны.

Тот же У в. делит развитие армянского языка на периоды дописьменный и письменный, причем создание письменности послужило как бы запалом для общекультурного "взрыва".

Все это давным-давно известно, и тем не менее пока остаются нераскрытыми механизмы "взрыва" и, в частности, несмотря на имевшие место попытки, пребывает необъясненным факт языкового совершенства армянской литературы (переводной и оригинальной) у самих ее истоков.

Настоящий доклад содержит еще одну попытку подступиться к объяснению этого явления.

2. Начну с напоминания элементарного факта, что армянский

язык сложился, развивался и стал языком своего народа еще до обретения им письменности. Эта аксиома иногда несколько заслоняется в наших глазах обстоятельством употребления в древней Армении других письменных языков. Посмотрим, однако, какова была их сфера.

Общества Армянского нагорья еще до II тыс. до н. э. соприкасались с письменной культурой хеттов и хуритов и, возможно, не оставались непричастными к ней. Параллельно здесь зарождалась урартская иероглифика. Однако она была потеснена заимствованной и приспособленной к урартскому языку ассирийской клинописью. Памятники этой письменной культуры охватывают время от последней трети IX до VII вв. до н. э. включительно. В целом эту письменность можно охарактеризовать как дворцово-административную. Она не пустила никаких корней в иных сферах жизни, даже в среде самих урартов на их родине — бассейне озера Ван, и была полностью и безвозвратно утрачена с падением государства Урарту и его военно-административных опорных пунктов — городов и крепостей.

Период с VI по III вв. до н. э. лишь условно, из-за отсутствия на сегодняшний день памятников, можно назвать "межписьменным". Не следует сомневаться в том, что принятый в канцелярии Ахеменидской державы арамейский язык с его письменностью применялся также в Армении, входившей в VI — IV вв. в ее состав в качестве сатрапии. Первые известные нам на территории Армении арамейские надписи, надписи царя Великой Армении Арташеса I, сделанные на межевых стелах около 180 г. до н. э.,

также заставляют некоторыми своими характерными деталями прийти к заключению о наличии предшествующего пути развития арамейской письменности на местной почве. Эти надписи, стандартные по содержанию, тем не менее, по ряду особенностей языка и графики распадаются на территориальные группы, демонстрирующие контуры провинциального деления древней Армении. Подобная децентрализация канцелярского дела свидетельствует о некоторых корнях, какие, в отличие от урартской, пустила арамейская письменность в недрах общества. О том же говорят единичные арамейские надписи на посуде. Царская надпись из Гарни, относящаяся к грани II — III вв. н. э., демонстрирует продолжительность применения арамейского языка в Армении.

Наряду с арамейской в Армении распространилась и греческая письменная культура — порождение эллинизма. Ее первые памятники — надписи из Армавира также относятся к началу II в. до н. э. (или концу III в.). Пестрота их содержания не дает возможности подвести их под единую эпиграфическую рубрику, но взамен свидетельствует о весьма широкой эрудиции их автора (или авторов), судя по варваризмам языка, — не грека.

Через III — I вв. до н. э. тянется цепочка монет армянских царей с греческими надписями. Имеются эпитафии, а также надписи армянских царей из Гарни, Апарана и Тигранакерта.

Наличный состав памятников, действовавших в Армении параллельно арамейской и греческой письменности пока не дает возможности различать сферы их применения, и приходится все еще говорить об общей для обеих сферах, которую, пожалуй, мож-

но охарактеризовать как административно-бытовую. Бытовую функцию они выполняли, разумеется, среди высших слоев общества, а греческий язык, возможно, проник несколько глубже в среду городского населения.

Письменная культура Армении IV в. не засвидетельствована памятниками, однако имеется сообщение нарративного источника конца V в. — "История" Лазаря Парпеци, о том, что в царской канцелярии в конце IV в. дела все еще вершились на греческом и сирийском языках.

3. Следующая степень развития письменной культуры древней Армении ознаменована созданием Месропом Маштоцом в начале V в. письмен, предназначенных специально для армянского языка. Непосредственным результатом этого было возникновение армянской литературы (переводной и оригинальной). Для темы моего доклада необходимо вновь подчеркнуть факт ее языкового совершенства уже у самих истоков.

Это явление большинством исследователей считается несоместимым с представлениями о первых шагах литературы. Ссылка на аналогичное положение в древнегрузинской, славянской, арабской и других литературах не снимает вопроса, а лишь умножает число возможных объектов исследования. Упомянутое явление правомерно породило в науке попытки его объяснения, в основном, двух типов. Первое, что в домесроповский период уже имела какая-то армянская литература, пусть стиснутая в каких-либо узких социальных рамках и пусть пользовавшаяся несовершенным алфавитом, и второе, что в домесроповский период в

процессе проповедывания в Армении христианского вероучения практиковались пересказы на армянский язык, а то и устные переводы, отдельных отрывков Библии и другой соответствующей литературы.

Первое утверждение, вероятно, внешне более эффективно и, вероятно, не лишено основания. В самом деле, имеется целый ряд указаний на существование письмен для армянского языка в домесроповский период; одно из них относится к так называемым "данииловым письмам". Но все дело в том, что отвести практике их применения сколько-нибудь значительную общественную роль и приписать ей какие-либо существенные результаты в интересующем нас аспекте не представляется возможным. Этого не допускает вся совокупность известных нам фактов о возникновении армянской письменности. Существование домесроповской письменности показательно, как увидим ниже, в совершенно ином смысле.

Гораздо перспективнее второе утверждение, заслуживающее, как мне кажется, дальнейшей разработки. Но попытка углубиться в его существо сразу же ставит нас перед новой задачей, а именно: если пересказы и устные переводы цитат в процессе проповедования христианства в Армении имели место и были необходимы, то почему же эта необходимость не привела к изобретению армянского алфавита, скажем, в начале IV в., как она же привела к этому в начале V в.? Тем более странной представляется такая оттяжка, если допустить, что идея армянского алфавита все время дремала где-то поблизости, в виде ли "данииловых" или других писем. Вспомним, что Маштоц в первую очередь прибег к их

помощи. Не следует ли предположить, что в домаштоцовский период что-то тормозило введение алфавита?

Попытка решения поставленной выше основной задачи неизбежно должна коснуться и этого комплекса вопросов.

4. Выше мы познакомились со сферами действия письменных языков в древней Армении и могли убедиться, что они были весьма ограничены и, во всяком случае, не затрагивали (и, видимо, не имелось нужды затрагивать) народные массы. И вот, на фоне постоянного бдительного осознания того самоочевидного факта, что единственным общенародным языком армян все время продолжал оставаться именно армянский язык, мне кажется, имеются основания выработать более определенную гипотезу о предистории армянской письменности.

Вспомним, прежде всего, что уже в III в. Армении стала объектом посещений христианских миссионеров с юга, из сирийской среды, и с запада, из Каппадокии, из среды греческой. С победой христианства в Армении на государственном уровне проповедь многократно интенсифицировалась, проникая во все более отдаленные уголки страны, а ряды ее носителей в большей степени пополнились армянами. Нет нужды говорить о том, что подобные миссии, выполняемые на греческом или сирийском языке, если исключить узкую специфическую аудиторию, были бы абсолютно бессмысленны. В гуще народа христианство могли проповедывать только на армянском языке как армяне, так и не армяне. Где и как эти последние овладевали языком — это вопрос чисто технический.

Очевидно, однако, также, что следует провести четкую грань между проповеднической деятельностью, направленной на распространение христианского вероучения, и официальным богослужением, ибо, как на это в конце V в. прямо указывает Лазарь Парпеци, накануне изобретения письмен богослужение в персидской части Армении осуществлялось на сирийском языке, оставаясь, как подчеркивает автор, совершенно непонятным прихожанам (а в византийской части, очевидно, на греческом языке, о чем же, примерно, эффектом).

Вернемся к проповедям. Несомненно они должны были изобиловать цитатами и отрывками из канонических текстов. Их образцами могут служить произведения греческих и сирийских, а также армянских отцов церкви IV в., написанные на греческом или сирийском языках и во множестве дошедшие до нас в армянских переводах V в. Разумеется, проповедники могли и импровизировать, и их деятельность, вероятно, варьировалась в амплитуде импровизации (с цитатами) — пересказа-перевода. В связи с проблемой доведения образцовых и канонических текстов до армяноязычного слушателя в период до изобретения армянских письмен, я хотел бы ввести тезис об их, так сказать, гетероэпическом, т.е. иноречевом, чтении или произнесении.

Нам знакомы гетерографические тексты, скажем, арамейско-персидские, в которых арамейские слова — гетерограммы при произнесении заменялись персидскими эквивалентами, отчего тексты звучали полностью по-персидски. Под гетероэпическим же чтением или речением я разумею устный перевод с оригинала, имеющегося под рукой или в памяти переводчика.

Именно так должно было обстоять дело с проповедниками христианства в Армении в домесроповский период. Имеется ряд данных о греческих и сирийских школах в Армении в это время. Техника гетерозвического чтения или речения должна была в них постепенно развиваться от пересказа к переводу и могла дойти до совершенства, доступного профессионалу.

5. Предлагаемая гипотеза имеет очень уязвимое место. Она не подкрепляется прямыми доказательствами — памятниками. Но дело в том, что памятников и не может быть, поскольку этот вид чтения их не оставлял. Нам придется ограничиваться косвенными подтверждениями, которых, однако же, огромное множество, поскольку ими могут служить буквально все упоминания о проповеднической деятельности в арменоязычной среде.

Первым известным нам из источников лицом, которому может быть приписана попытка гетерозвического чтения или речения, является сирийский писатель Бардецан, возможно, армянин по происхождению, который (по сообщению Мовсеса Хоренаци) явился в начале III в. в Армению проповедовать христианство. Последним по времени можно считать Месропа Маштоца накануне изобретения им алфавита. В двухвековом промежутке между ними среди множества известных и неизвестных нам проповедников следует выделить Григория Просветителя, с именем которого, возможно, связан определенный этап развития гетерозвического чтения.

Таким способом в виде цитат или отрывков могла читаться практически вся Библия или ее существенная часть, особенно — Новый Завет. Это и должно было облегчить ее письменный пере-

вод и обеспечить его высокое качество. Следует помнить, конечно, что первый вариант письменного перевода Библии затем (два с лишним десятилетия) отрабатывался, и известная нам "царица переводов" является результатом также этого процесса. Но усматривать секрет ее совершенства только в этом — едва ли возможно. Во всяком случае, такой тезис, если его выдвинуть, не легко будет обосновать.

В том же ракурсе можно рассматривать и часть прочей переводной литературы проповеднического и, возможно, не только чисто проповеднического толка, появившейся с изобретением письмен.

Так, в процессе гетерозвического чтения или речения, в период, предшествовавший изобретению письмен, развивался и совершенствовался армянский язык, в первую очередь, разумеется, в части терминологии и лексики вообще. Постоянный непосредственный контакт оратора со слушателями, неотъемлемая черта проповеди, не давал впадать в языковую изоционность, уводил от соблазна рабского копирования иноязычного текста за счет понятности речи, заставлял развивать и совершенствовать язык, не выходя однако за рамки его закономерностей. Все это и сказало на литературном языке "золотого века", на его терминологии. Возможно, что такой ход развития присущ, помимо армянской, также некоторым другим словесностям.

Выше мы задались вопросом, чем объяснить, что, хотя необходимость в армянском алфавите (как ее формулируют наши первоисточники — Корюн, Парпеци и другие, применительно ко вре-

мени Маштоца) на деле несомненно возникла раньше, по крайней мере в связи с установлением христианства в Армении, тем не менее ни тогда, ни далее, в течение всего IY в., изобретение алфавита не состоялось?

Тем, возможно, отвечает наша гипотеза, что гетерозническое чтение представляло собой уже определенную общественную силу, идею, имевшую живых носителей, и, заменяя в какой-то мере алфавит, тем самым мешало достаточно острому осознанию необходимости литеризации армянского языка.

Если "данииловы" или другие подобного рода письма — не фикция, то тем более следует допустить существование в домесроповский период некоего противовеса идее литеризации, тормозившего ее торжество, в виде гетерознического чтения, удовлетворявшего в течение определенного времени проповедническим нуждам.

В дальнейшем необходимость письма нарастала широким потоком, усиливаясь, помимо религиозных, и многими другими культурными потребностями армянского общества, во много раз превышавшими возможности прежних средств. И тогда пришло время Месропа Маштоца.

Заказ 586

Тираж 500

Сдано в производство 20.06.1978г., подписано к печати 19.06.1978г., печ.л. 0,75, изд.л. 0,4. Бумага № I, 60 x 84^I/₁₆. 6 коп.

Издательство АН Армянской ССР, Ереван-19, Барекамутян, 24г
Эчмиадзинская типография АН Армянской ССР